

Евгений
Степанович
ЗАШИХИН

EXEQI MONUMENTUM: Посмертное издание стихов земляка как опыт музеефикации

У больших писателей посмертная судьба куда как объемнее биографии. Творческое наследие становится тем материальным фактором, что и определяет степень мемориальной увековеченности того или иного автора в истории словесности и влияет на текущую практику книгоиздания.

Музеи, хранящие память о литераторах-земляках, бывают разными.

Бывают весьма и весьма **масштабными**. Здесь достаточно вспомнить Объединенный литературный музей писателей Урала в Екатеринбурге, на «фундаменте» жизни и творчества Ф. М. Решетникова, Д. Н. Мамина-Сибиряка, П. П. Бажова и некоторых других успешно продвинутых в читательском сознании литераторов, выстроивших «многоэтажное», вполне гармоничное здание истории развития изящной словесности в нашем регионе.

Многочисленны **камерные** литературные музеи. Типа посвященного Николаю Рубцову домашнего собрания сургутского энтузиаста Сергея Алексеевича Лагерера (только не смейтесь, пожалуйста, над невольной ГУЛАГовским сочетанием *камерный* и *Лагерев* — увы, но у нас в стране второй смысл подобных звучаний — отнюдь не только игра слов).

Можно также классифицировать литературные музеи путем деления их на **материальные** — вспомним, к примеру, Музей-квартиру Бориса Ручьева в Магнитогорске, или **виртуальные** — подобно гайдаровским, посредством компьютерных технологий активно формирующимся ныне в музеях уральских городов — Перми и Екатеринбурга-Свердловска, где какое-то время жил и работал в местных газетах Аркадий Голиков, который

под именем Аркадия Гайдара станет прославленным создателем «РВС», «Тимура и его команды», «Чука и Гека» и других культовых произведений довоенных лет советской эпохи.

Литературные музеи бывают своеобразными творческими заповедниками определенного автора типа толстовской Ясной Поляны или есенинского Константинова, «вариацией на тему» — скажем, копия московской комнаты поэта в богдановическом музее Степана Щипачева, уроженца этих мест, и только экспозициями — допустим, подборка соответствующих материалов о *знатном земляке* и *малой родине* на стендах в школах, где учился П. П. Бажов в родной Сысерти и в тогдашнем Полевском заводе, куда его родители переехали, когда будущему автору «Малахитовой шкатулки» исполнилось одиннадцать лет.

О том, что перед читателем своеобразная форма музеефикации того или иного литератора и его творческого наследия, думаешь и при чтении тома избранных (в особенности, не особенно публиковавшихся при жизни) сочинений данного писателя, дополненных перепиской и воспоминаниями его современников. Из ярких примеров подобного типа изданий здесь можно назвать однотомник «Константин Лагунов. Книга памяти» (Сост. О. К. Лагунова. Екатеринбург: Сред.-Урал. кн. изд-во, 2005. 368 с.)¹.

Об одном из такого рода опытов «штучной» музеефикации, в которой мне самому довелось участвовать в бытность работы в екатеринбургском издательстве «У-Фактория», я сейчас и расскажу.

1.

«Недолгая земная жизнь Бориса Рыжего (1974–2001) продолжается в его стихах». С такой немудреной, в общем-то, констатации начиналась моя редакторская аннотация к наконец-то вышедшему в 2004 г. на родной уральской земле самому полному на сегодняшний день изданию поэта. Это был объемный — на 830 страниц! — том «Оправдание жизни».

Книга изначально была задумана как некое подведение творческих итогов безвременно ушедшего автора. Под таким ракурсом нами и велись длительные переговоры с его наследниками, по вполне понятным причинам оказавшимся в ту пору в зоне настойчивого, а то и просто назойливого внимания издателей. В частности, столичных.

Только позиция наиболее авторитетного из представителей семьи поэта, его отца Б. П. Рыжего, была довольно жесткой: в дебютной книжке «И все такое...» (2000), в прижизненного составления сборнике «На холодном ветру» (2001) и в посмертном однотомнике «Стихи: 1993–2001» (все три издания выпущены Пушкинским фондом) стихи, в основной своей массе, представлены. А дальнейшая судьба литературного наследия сына — мол, пока что проблема будущего, для решения которой необходимо *подождать* какое-то время...

О. Власов. ПУГАЧЕВ И ТВОРОГОВ

На благоприятное для издательства решение ситуации повлияло стечение обстоятельств: Юрий Казарин, с которым меня связывали давние отношения дружбы и сотрудничества, автор планируемой нами статьи о поэте, стал тем человеком, кто помогал Борису Петровичу разбирать рукописи Бориса-младшего.

С Казариным-то мы и условились, что он будет как можно полнее цитировать тексты Рыжего, дабы показать читателю вещи, почему-либо не вошедшие в наши собственно стиховые подборки.

Речь даже шла о том, чтобы сделать эту книгу

по принципу *два в одном*, подав отдельно Рыжего и Казарина — с предоставлением каждому собственного «входа» в издание.

Однако, по мере продолжительной (родные не по разу согласовывали оформление книги и ее состав) совместной работы, отношения между издательством и наследниками Бориса становились все доверительнее: открывался доступ к дополнительным, нежели первоначальная прикидка, текстам Рыжего. Последние постепенно во все большем количестве переходили из приводимых в послесловии цитат в непосредственную публикацию.

Оттого эссе Юрия Казарина «Поэт Борис Рыжий (Постижение ужаса красоты)», где подробно освещена биография поэта-земляка, примерно на одну треть потеряло в ходе изменений общего замысла планируемый прежде объем. Хотя все равно оставалось весьма пространным, пусть мы в издательстве старались, по мере возможности, убрать некоторую присущую автору послесловия докторальность манеры изложения, связанную с его лингвистическими университетскими штудиями.

Впрочем, на данном этапе сокращать текст Юрия Викторовича еще больше было бы уже не совсем порядочным по отношению к нему: ведь он добросовестно выполнил обещанное, а то, что у издателей в ходе процесса разгулялся аппетит *на вкусненькое*, так это не его проблема. К тому же я попросту опасался, что, обозначив определенный вектор возмож-

ного сокращения *нерыжевских* текстов (а я там к тому же кое-что еще из писем к Борису вынужден был убрать по причине нехватки объема, а непосредственным поводом стало отсутствие договорных отношений у издательства с Ларисой Миллер), подведу нас с Юрой под монастырь, по сути подсказав тогдашнему владельцу «У-Фактории» путь прямой экономии посредством отказа от послесловия. Скажут мне по-хозяйски непререкаемо: «А зачем нам Казарин?» и пустят *свою* офсетную бумагу на увеличение тиража, что, с точки зрения маркетинга, было бы, пожалуй, вполне мотивировано.

2.

В книгу вошли стихи, проза, критика, интервью, письма автора-земляка, а также упоминаемое выше послесловие.

Основной корпус авторского текста составили, конечно же, произведения поэтические. В издательстве они были условно разделены на «Избранную лирику» и раздел «Из ранних и неопубликованных стихотворений», что позволило выстроить некую ценностную иерархию материала, неравнозначного по своей эстетической природе и объективно сложившейся степени завершенности.

Предложенное мною заглавие — «Оправдание жизни», притом, что все участники действия по выпуску книги как-то легко на него согласились, содержало для издательства определенные «подводные камни»: сразу же жестко детерминировался наш подход к подаче литературного материала. Читателям, в большинстве своем знающим подробности ухода поэта (все-таки эпоха Интернета!), предлагались тексты, художественная значимость которых противопоставлялась факту биографии поэта — случившемуся суициду. О трагическом финале говорила и черная рваная линия, стилизованная под постепенно затухающую кардиограмму, под колонтитулом на титульном листе и шмуцах (на рисованных первой и четвертой сторонках и корешке переплета, к сожалению, дизайнеры логику этого замысла до конца не воплотили).

Итак, налицо главный мемориальный принцип: жизнь после смерти.

Борис Рыжий, судя по его многочисленным высказываниям на подобную тему, понимал, что подлинные поэты в какой-то особой, завышенной — по сравнению с прижизненной — посмертной оценке читающей публики не нуждаются. Они ведь, подлинные поэты, по факту своей *настоящности*, непридуманности (это в стихах себе можно какую угодно роль сочинить) заведомо выше точки нашего обывательского отсчета.

Выше любой точки отсчета.

Выше престижного **прижизненного** «Букера».

Сам-то Рыжий получал в 1999-м «Антибукера». И в этом *анти* — своя фирменная для Бориса знаковость: в его стихах о себе всегда важно, что он — первый, а первый в городе поэт, как это в «Оде»:

*... это пьяный Борька Рыжий
первый в городе поэт.*

Ставшее чуть ли не классическим «Промышленной зоны красивый и первый певец» (из многожды критикой процитированного «В Свердловске живущий, но русскоязычный поэт...») здесь можно даже не называть, а вспомнить, для пущей достоверности утверждаемого тезиса, образ *первого двоечника в школе* из стихотворения «Прощание с юностью».

Подлинны поэты выше даже пресловутого Александрийского столпа.

Притом, что последний в традициях русской поэзии — явная претензия на славу **посмертную**.

Любопытно, что Борис, как можно судить по вариантам, в процессе работы над стихотворением «Есть фотография такая...» добавил «поверх» первоначального, некрасовского, еще один эпиграф — знаменитую пушкинскую строчку «Я памятник себе воздвиг нерукотворный...»). А в самом тексте стихотворения Рыжего упомянутый «Памятник» Александра Сергеевича читает — в пандан к хрестоматийному *всяк сущий в ней* (то есть Руси великой) *язык* — «типичный негр из МГУ».

Так что лирический герой Рыжего, неоднократно размышляя о том, что будет *после*, никогда не тратил собственных эмоциональных и версификационных усилий на, скажем так, подтаскивание кирпичей к собственному будущему пьедесталу.

В самом начале его первой посмертной книги «На холодном ветру» (СПб.: Пушкинский фонд, 2001) звучит едва ли не программное (если так можно говорить в прошедшем времени):

*Мальчишкой в серой кепочке остаться,
Самим собой, короче говоря...*

И вторая строчка — важнейшая для Бориса Рыжего установка.

Притом, что он не раз озвучивал иные ее вариации:

*Он бездельничал, «Русскую» пил,
Он шмонался по паркам туманным.
Я за чтением зренья садил,
Да коверкал язык иностранным.
Мне бы как-нибудь дошкандыбать
До посмертной серебряной ренты,
А ему, дармоеду, плевать
На аплодисменты.*

Это из стихотворения «Мой герой ускользает во тьму...», где *придумывание* лирического двойника себе мотивируется тем, что «поэту не в кайф без героя». Только раздвоенность-то эта — мнимая, чтобы было что осмыслить, прочитав в «Памяти друга» точнейшую формулировку Рыжего: «Жизнь художественна, смерть — документальна».

3.

Борис Рыжий, безусловно, состоявшийся как творческая личность и вполне ощущавший это, мог вслед за С. А. Есениным попросить: «Не ставьте памятник в Рязани!». С одной лишь вариацией — его «малой родиной» был окраинный свердловский/екатеринбургский промышленный поселок Вторчермет, воспетый им *хронотоп* Вторчик.

*Я родился — доселе не верится —
В лабиринте фабричных дворов...»*

(«Так гранит покрывается наледью...»)

О. Власов. ПУГАЧЕВ И ЧИКА ЗАРУБИН

На самом же деле Боря родился в Челябинске, не случайно биографическая статья о Рыжем Борисе Борисовиче попала в выпущенную там энциклопедию². Однако помня, «Как однотипны города горнорабочего Урала...» («Был городок предельно мал...»), оставим эту деталь для биографов. Нас же сейчас интересует его поэзия. Тем более, что именно более десяти лет, прожитых на Вторчермете, по адресу Титова, 44, кв. 30, и сделали Бориса Рыжего тем, кем мы его знаем.

«Сорвиголова, он видывал виды — отсюда в

его стихах хулиганский шик, люмпенская экзотика приклатненных окраин и лихих пригородов, которые, вообще-то говоря, в долгу перед Борисом Рыжим, — писал Сергей Гандлевский в предисловии к книге «На холодном ветру». — **Ведь все эти губернские, областные и районные центры для большинства из нас так и останутся ничего ни уму, ни сердцу не говорящими административно-территориальными единицами, пока не найдется талантливый человек, который привяжется к какой-нибудь дыре и замолвит за нее слово (подчеркнуто мною. — Е. З.)**. Тогда на культурной карте появляется новая местность, напоминая нам, что всюду — жизнь».

В нашем случае альтернативой посмертному респектабельному вознесению Бориса Рыжего *на пьедестал* могла стать, конечно же, только книга, собравшая реально сделанное им. Это было бы, в какой-то мере, и оправданием его жизни (от того-то я как редактор и предложил сборнику такое вот название), и способом сохранить людскую память об авторе.

Ну, а помочь читателю увидеть, как поэт увековечил кроме всего прочего еще и «географию» своего взросления и становления — слово *проживания* здесь не годится, ведь перед нами территория, где его лирический герой выстраивает ось морально-ценностных координат, и должен был помочь вспомогательный аппарат издания.

Так что, я как редактор еще и уточнял окончательный «облик» стихотворений³.

Впрочем, работать следом за Ю. В. Казариным, который проявлял величайшие дипломатические способности, в долгих переговорах «сводя» воедино варианты стихотворений (отдельные разделы рукописи вычитывались и заменялись до 14 раз), предоставленных родными поэта, мне было, разумеется, легче, чем ему.

А вот поясняющие сноски я не доверил никому, поскольку адресовать книгу мы собирались самому массовому читателю и торговать не только на Урале. Мотивировал многочисленность таких вот комментариев я, в частности, тем, что Борис и сам не чуждался подобных сопровождений своего текста. Посмотрите на его послание «К Олегу Дозморову» — там восемь пространнейших примечаний.

Первая моя «географическая» сноска появилась под стихотворением «От самого сердца». Там у Бориса Рыжего было указано место, где в августе 1995-го были написаны эти стихи — поселок Кытлым. Вот я и уточнил внизу полосы: «Поселок городского типа в Свердловской области. Расположен у подножия горы Косьвинский Камень».

Надо было как-то сразу «савторитетничать» в вопросе о написании топонима (ведь в питерских книжках иное написание — *Кышлым*, явная, на мой взгляд, описка), который в книге будет повторен не раз. В частности, в «Оставь мне небо темно-синее...», в «Роттердамском дневнике», в «Я работал на драге в поселке Кытлым...».

И еще я очень озаботился, чтобы художник книги непременно показал схему улиц микрорайона Вторчетмет. Мы наложили этот екатеринбургский географический «фрагмент» на карту любимого Борисом Питера, намекнув тем самым на явное сосуществование двух миров — реального (бытового) и виртуального (книжного) — в поэзии Рыжего.

Приводил я также сноски относительно упомянутых в текстах Рыжего трамвайных маршрутов. Например, к «Трамвайному романсу», где есть строки, мало что говорящие неместным: «Я ездил на втором и пятом, Скажи — на первом и последнем», — сделал примечание: «Второй и пятый — трамвайные маршруты в Екатеринбурге, связывающие рабочие окраины

города с центром». Именно так — пролетарские предместья, а не спальные районы! Точно так же, как и к стихотворению «Я вышел из кино, а снег уже лежит...» приложил уточнение про соединяющие Вторчермет с центром города трамвайные маршруты: «четырнадцатый, нет, пятый, двадцать пятый».

То, что земляки оценили подобного рода комментариев как продуктивный, я смог буквально через год убедиться, листая трехтомник известного своим активным участием в текущем литературном процессе координатора Ассоциации писателей Урала А. Б. Кердана. Там наш плодовитый современник под вертикальным колонтитулом «Александр Кердан. Примечания» дает собственные (а что, все по взрослому — это не какой-нибудь *дембельский альбом!*) примечания к каждому из произведений, помещенных в его первый том⁴. Это, правда, не делает книгу изданием академического типа, а там, где в справочных предложениях автор пускается в фамильярное безынициальное самотитулование, и просто создает несколько комический эффект: «В последующих редакциях Кердан (просто Кердан!—Е. З.) вычеркнул вторую строфу». Или: «... из большого цикла стихотворений, посвященных Нелли Эдуардовне Климентьевой, которой поэт был увлечен в 1989-1995 годах» — и ничего, без головокружения.

Так вот, в комментариях к одному из самых лучших, на мой пристрастный взгляд, стихотворений книги «Яне», звучит: «В тексте упоминается «трамвай под номером пятнадцать». Этот маршрут в Екатеринбурге связывает центр города с районом Вторчермета, где родилась и выросла Яна Чабан, которой и посвящено стихотворение».

Выходит, зацепило...

Однако вернемся к сборнику Бориса Рыжего, о котором мне осталось сказать еще то, что комментарии были сделаны и при упоминании в стихах и прозе родственников и знакомых поэта.

Такой вот получился памятник...

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ О издании см. подробнее: Зашихин Евгений. Монумены и пьедесталы // Урал. 2006. № 6. С. 246–251.

² См. Челябинская область: Энциклопедия. Челябинск: Каменный пояс, 2006. Т. 5. С. 671.

³ Помню свое удивление, когда во время одного из застолий в доме Рыжих по случаю дня памяти Бориса, я, беседуя с Борисом Петровичем, вдруг убедился, что каноничность текстов — не всегда следствие работы с сохранившимся авторским наследием, но еще и, было и такое, плод правки близких, обеспокоенных посмертным имиджем Бориса.

⁴ Кердан Александр. Стихотворения. Венок сонетов. Поэмы. Переводы. Екатеринбург, 2005.